

МАЙРХОФЕР М.

О ПРИНЦИПАХ СОСТАВЛЕНИЯ ДРЕВНЕИНДОАРИЙСКОГО ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Около тридцати лет автор этих строк, которому в свое время выпала честь рассказать о своей работе на страницах «Вопросов языкознания», трудился над этимологическим словарем древнеиндийского языка (санскрита). Задуманный в молодости «краткий» словарь — этот неподходящий эпитет сохранился и после появления четвертого тома — открывался предисловием к первому тому, датированным 22 августа 1951 г., и завершался послесловием к последнему, справочному, тому, написанному весной 1980 г. [1, т. I, с. XV; т. IV, с. IV]. Указанная работа, которую автор давно уже считает незрелой в ее начальной части, — именно это побудило меня написать новую книгу, которая начала выходить в год моего 60-летия и о которой здесь пойдет речь ¹, — является в настоящее время единственным крупным завершенным этимологическим словарем древнеиндоарийского, который следует считать ключевым для индоевропеистики. Ранее был завершен лишь действительно «краткий» (объемом 367 с.) словарь К. К. Уленбека [3]; другие словари не были закончены: так, намного превосходящий словарь Уленбека по фундаментальности анализа индийского и иранского материала и по полноте библиографии словарь братьев Лойман, который и в наши дни не может не приниматься в расчет, был доведен только до словарной статьи *jū* [4], а широко задуманная книга В. Вюста [5], которая сейчас представляет лишь библиографическую ценность, будь она закончена, стала бы многотомным сводом унифицированной информации по всем проблемам древнеиндоарийской лексики. Появился лишь «Выпуск 1—3» (1935 г.) этой книги, содержащий только четыре словарные статьи на букву *a*; к сожалению, автор, находящийся сейчас уже в преклонном возрасте, по-видимому, не будет продолжать прерванную в 1935 г. работу.

Почему автор этих строк, у которого работа над первым этимологическим словарем древнеиндоарийского [1] заняла около 30 лет, попытался посвятить этой проблеме еще одну книгу [2]? Ответ очевиден: уже был дан выше: первый том книги, написанный мной в 20—30-летнем возрасте, не удовлетворяет автора в настоящее время, когда он вступил в седьмое десятилетие своей жизни. „Этимологический словарь древнеиндоарийского (ЭСДИА)“ — это не новое издание „Краткого этимологического словаря древнеиндийского языка“. С последним его объединяют только тема и автор. Хотя это и позволяет в отдельных случаях сохранить в новой книге прежние формулировки, читатели смогут убедиться, что автор почти никогда не пользуется этим правом, — так открываются «Предварительные замечания» к новому словарю [2, с. 1].

¹ К настоящему времени опубликовано три выпуска примерно по 80 страниц [2]; словарь, который теперь уже не характеризуется эпитетом «краткий», должен состоять из трех больших томов.

Что же изменилось между 1951 и 1985 гг.² — не только в жизни автора этих строк, который долгие годы учился и копил опыт, но и в индоевропеистике и, в особенности, в изучении древнеиндоарийского языка? Многие! Прежде всего, в образцовых работах К. Гофмана (род. в 1915 г.)³ был выработан новый метод, который, конечно же, применялся и раньше — такими учеными, как Я. Вакернагель⁴, — но стал активно использоваться большинством индоевропеистов лишь с 1950 г.: лексика языка, на материале которого проводятся этимологические исследования, должна быть подвергнута тщательнейшему филологическому анализу. Необходимо изучить тексты, разграничить архаичные и новые типы употребления и детально выяснить значения слов в текстах. Более того, в новом «ЭСДИА» [2] сначала приводится только лексика «раннего языка», и лишь потом — лексика «позднего языка», причем в последнюю категорию попадают слова, впервые засвидетельствованные не раньше появления эпоса или юридических трактатов. «Я убежден, что практиковавший до сих пор способ подачи древнеиндоарийского этимологического материала, когда ведийские и средневековые употребления уравниваются в правах, сходен с таким типом этимологического словаря — теоретически возможного и даже любопытного — греческого языка, который объединял бы микенские и гомеровские слова с византийскими и новогреческими» [2, с. 2]. Мой опыт показывает, что слова, в первые засвидетельствованные в «позднем языке» (т. е. не те, которые появляются уже в ранней литературе, в Ведах, но зафиксированы и в Махабхарате или в классическом санскрите), по большей части являются «инородным телом» — заимствованиями из средне- и новоиндоарийских разговорных языков, из неиндоевропейских языков Индии, а также переосмыслениями переставших быть понятными ведийских слов, заимствованных из древних текстов⁵. С другой стороны, необходимо учитывать, что большинство слов раннего языка (Ригведа и другие Веды) — помимо тех, для которых не удается найти ясную этимологию, — это характерно для любого языка, — имеют индоиранское происхождение (и, таким образом, обнаруживают соответствия в одном из иранских языков) и в большинстве случаев как исконные слова («Erbwörter») восходят к индоевропейскому в соответствии с древнеиндоарийскими фонетическими законами.

Эти два соображения обуславливают ряд требований к составлению раздела «Ранний язык» древнеиндоарийского этимологического словаря.

1. Существуют древнеиндоарийские слова, которые имеют бесспорное индоевропейское происхождение и, следовательно, должны принадлежать к общеиндоиранской лексике, — однако в древнеиранском материале, приведенном в словаре Хр. Бартоломэ [10], их обнаружить не удается.

² Предварительные замечания к [2] датированы 10 мая 1985 г. [2, с. 6].

³ Немногочисленные, но весьма ценные работы этого ученого, который является для меня, пожалуй, крупнейшим индоевропеистом и, разумеется, крупнейшим индологом и иранистом нашего времени, собраны в [6].

⁴ Из большого наследия этого маститого швейцарского ученого (1853—1938) для изучения древнеиндийского материала наиболее ценна обширная, но, к сожалению, не вполне завершенная грамматика [7], в которой отсутствует IV т. «Глагол — Наречие», а также большинство его великодушных работ, собранных в [8].

⁵ Известный пример — слово *ibha-*, которое в Ригведе и других древних текстах означает только «прислуга, свита, двор» (ср. [2, с. 194]); в позднем же языке *ibha-* имеет значение «слон», и, согласно знаменитой работе Л. Рену [9], значение «слон» обязано своим возникновением лишь ошибочной интерпретации ведийских текстов. В таком случае сопоставления со словами, имеющими значение «слон» в египетском и других языках, оказываются несостоятельными.

Объясняется это просто: авестийский материал невелик по объему (тексты содержат много повторений), а древнеперсидский и вовсе мал; в связи с этим слова определенных семантических полей в обоих языках могут быть вообще не засвидетельствованы. Тем не менее такие слова в большинстве своем реально существовали в древнеиранском и продолжают свое существование в тех средне- и новоиранских языках, предки которых не были засвидетельствованы в древности, сохранившей для нас лишь два иранских языка (восточноиранский — авестийский и юго-западноиранский — древнеперсидский). Поскольку пока нет сравнительного словаря иранских языков, в котором следовало бы искать соответствующий лексический материал, автор этимологического словаря санскрита вынужден обращаться к литературе по более поздним иранским языкам, а также — рассылая «опросные листы» — к ряду специалистов, занимающихся соответствующими языками, в том числе к выдающемуся советскому иранисту И. М. Стеблин-Каменскому (ср. [2]: обратная сторона задней обложки в вып. 2). Приведу один пример того, как приходится устанавливать индоиранский характер старого, засвидетельствованного уже в ведийском, слова, имеющего и.-е. происхождение.

Древнеиндоарийское слово *śasā-* «заяц» засвидетельствовано уже начиная с Ригведы. Оно возникло в результате ассимиляции сибилантов (*ś* — *s* → *ś* — *ś*) из **śasā-*, а **śas-* восходит к и.-е. **kas-*, отраженному в нем. *Hase*, и т. д. В иранском к моменту появления книги Уленбека [3] было известно только одно соответствие: пушту (афганское) *zōe* «заяц». Конечно, уже из этого можно было бы заключить, что *śasā-* восходит к **śasā-*, однако это обстоятельство часто игнорировалось⁶. Иранская праформа **saha-* стала очевидной позднее, когда в XX в. были обнаружены — главным образом в ходе турфанской экспедиции — прежде не известные иранские языки, в частности, хотаносакский, в котором существует слово *saha-* «заяц»⁷. После того, как соответствия индоарийскому **śasā-* стали известны уже в нескольких поздних иранских языках, Г. Клингеншмитт показал косвенным путем, используя метод строгого филологического анализа, что то же происхождение имеет ожидаемая в соответствии с фонетическими законами древнеиранская авестийская форма *saŋha-* [12].

Другое направление поиска при изучении этимологии индоарийских слов, которым на первый взгляд не удастся найти соответствия в иранском, — древнеиранская *о н о м а с т и к а*, привлечение которой стало особенно актуальным после открытия персепольских хозяйственных архивов, где были найдены таблички, содержащие почти 2000 собственных имен, большей частью иранских. Так, появляющееся уже в Ригведе прилагательное *vigrā-* «резвый, деятельный» как будто бы не имеет иранских соответствий — кроме имени **Vigrāspa-* «с резвыми лошадьми», которое сохранили эламские клинописные таблички в закономерном написании *Mi-ik-ra-aš-ba*; кроме того, входящая в состав сложных слов форма **vig-i-*, ожидаемая в соответствии с так называемой суффиксальной системой Каланда наряду с *vig-rā-*, сохранилась в авестийских собственных именах с первым компонентом *viži*⁸.

2. Второе важное требование к новому этимологическому словарю — точное установление и.-е. праформ (*Herkunftsquellen*). Эта задача особен-

⁶ См. библиографию в [1, т. III, с. 317].

⁷ Ср. теперь словарь Бейли [11], который приводит соответствия хотаносакским словам в других иранских языках и тем самым в известной степени восполняет отсутствие сравнительного словаря иранских языков.

⁸ По поводу обоих примеров см. [13] (с библиографией), [14].

но трудна, поскольку несмотря на разговоры о «завершенности индоевропеистики», реконструкция сложных парадигм с подвижным ударением, необходимая для того, чтобы понять происхождение многих древнеиндоарийских форм⁹, или установление рефлексов и.-е. форм с ларингалами¹⁰ — исключительно трудоемкая работа и в то же время одна из предпосылок составления этимологического словаря древнего и.-е. языка на современном уровне исследований. Автор нового словаря недвусмысленно высказался о необходимости восстановления и.-е. праформ в «Предварительных замечаниях»: «На вопрос об и.-е. происхождении лексической единицы я отвечаю, если это возможно, реконструкцией праформы; не существует более надежного способа доказать бесспорный характер еще не установленного соответствия с точки зрения фонетических изменений и характера флексии, словообразовательной и корневой структуры» [2, с. 5]. Позволю себе показать на одном примере, как непросто обосновать общепризнанную и.-е. параллель в соответствии с нынешним состоянием исследований, если не довольствоваться приблизительным «схождением», а стремиться к доказательству путем реконструирования.

Прилагательное *kulva-* «лысый, плешивый» употребляется в качестве самостоятельного слова в поздневедийском (и в одной из шраутасутр); более древнее употребление засвидетельствовано в ранней Ваджасанейи-самхите, где встречается сложное слово *āti-kulva-* «слишком плешивый», причем редакция школы Канва сохраняет это слово в виде *āti-kūlva-*. Уже на заре индоевропеистики (°)*kūlva-* сопоставляли с лат. *calvus* «лысый»; иранское соответствие не бесспорно, так как младоавест. *kauruuu-*, характеризующее один из физических недостатков, видимо, означает не «лысый», а «короткий, искривленный» (см. уже [1, т. I, с. 243, 305]). Как доказать точное соответствие (*āti-)**kūlva-* и лат. *calvus*?

Я считаю, что соответствие (°)*kūlva-* и *calvus* подтверждается и.-е. праформой **k̑l̑H-uo-*. Это не так-то просто — если вообще возможно — доказать¹¹. Что касается индоарийского, форму редакции Канва, *-kūlva-*, следует признать более архаичной; сокращение долготы перед сочетанием согласных (*-ūlv > -ulv-*) — известное явление¹², а изменение *-l̑HC > -ūlC-* — закономерно. Гораздо сложнее ситуация в латыни и других италийских языках. Само по себе лат. *calvus* могло бы возникнуть из **calavos* в результате синкопы, причем **-ala-* должно было бы восходить к ударному **-l̑H-*¹³. Этому как будто бы противоречит оск. *Kalúvieis*, что побудило выдающегося ученого Ф. Солмсена реконструировать **calovos* [19]. Не исключено, однако, что оскское имя было преобразовано по аналогии со многими другими именами на *-ovios* [19] и *calvus* может точно так же восходить к **calavos > *caluvos*, как *salvus* — к **salavos > *saluvos* (что можно предположить на основании весьма архаичной, относящейся, воз-

⁹ Ср. в новом словаре сложные праформы, позволяющие выяснить этимон слов *ātman-/tmán-* «дыхание, душа» [2, с. 164 и сл.] или *usás-* «утренняя заря» (лат. *aurȏra* и т. д. [2, с. 236 и сл.]). Связанные с этим исследования по и.-е. именному словоизменению до сих пор не завершены; в них опять-таки внесли большой вклад выдающийся ученый К. Гофман (см. выше примеч. 3) и его ученики.

¹⁰ По поводу ларингальной теории ср. из последних работ книгу Линдемана [15] и обзор Р. Шмита в ВЯ [16]. См. также ниже примеч. 21.

¹¹ Попытка реконструировать единую праформу может не увенчаться успехом — в таком случае приходится довольствоваться реконструкцией «вариантов» (на *-əuo-* и на *-euo-*), как это принято в традиционной этимологии (ср. у Покорного [17]).

¹² Ср. об этом в «Kleine Schriften» Вакернагеля [8].

¹³ См. библиографию в [18].

можно, к тому времени, когда еще не произошло явление синкопы, надписи VII в. до н. э. *saluetod tita* [20]). Существует еще возможность попытаться возвести оск. -ovos через *-uvos к *-avos¹⁴. Итак, можно остановиться на **calavos* (> *calvus*) < **k̥Huvos* = вед. °*kūlva*- и, таким образом, возводить ведийское и итальянское слова к одной и.-е. праформе.

Но заключается ли задача нового этимологического словаря лишь в более точном обосновании давно (уже с XIX в.) известных соответствий, таких, как °*kūlva*-/°*calvus*? никоим образом. Нельзя согласиться с высказыванием одного из крупнейших в истории индоевропеистов, В. Шульце [21]: «Индоевропейские этимологии, обоснованием которых служит их наглядность и неоспоримость, лежат на поверхности, и в том чтобы их обнаружить, нет, как правило, никакой заслуги; заслуга заключается лишь в том, что этимология устанавливает или уточняет смысл слова». Впрочем, возможно, приведенные выше мои рассуждения не противоречат тезису В. Шульце, а наоборот, подтверждают его: и в наши дни можно обнаружить хорошие этимологии, если исследовать изучаемые языки филологическим методом или опираться на уже имеющиеся филологические исследования, выполненные на высоком уровне. Вот несколько примеров.

Неоднократно засвидетельствованное в Атхарваведе слово *takmán*-авторитетный словарь Бётлингга и Рота [22, ч. III, стлб. 192] переводит как «определенная болезнь», возможно, «целый ряд болезней, сопровождаемых жаром и сыпью на коже». Большинство этимологов вплоть до наших дней на основании этих весьма неопределенных данных предлагали лишь осторожные гипотезы о происхождении этого слова, связывая его с санскритскими корнями *tak* «бежать, течь» или *tañs* «собирать». Однако уже в 1865 г. (!) можно было бы установить на основании имеющихся филологических исследований [23], какую болезнь обозначает *takmán*-, — это, без сомнения, «лихорадка». А для обозначения этого понятия в индоиранских языках используются производные от корня *tap* «быть горячим» (авест. *tafnu*-, *tafnah*- «лихорадка» и т. д.); *takmán*-, как показал К. Гофман [6], возникло в результате диссимилиации из **tap-mán*-. Хорошей параллелью к такой диссимилиации служит, например, др.-лит. *sēkmas* «седьмой» из **sepmas* (ср. лат. *septimus*).

С другой стороны, филологическое исследование, учитывающее действительные реалии, опровергает многие лежащие на поверхности этимологии. Для засвидетельствованного уже в Ригведе слова *akṣá*- «(игральная) кость» очевидной предполагалась грамматически корректная этимология — *akṣá*- «имеющий глаза» (*ákṣi*- «глаз»), поскольку в представлении европейцев игральные кости снабжены «очками» (круглыми насечками — от одной до шести). Однако благодаря глубоким исследованиям Г. Людерса были полностью выяснены условия и характер индийской игры в кости и, в частности, то, что *akṣá* — это не «кости» (с «глазами»), а орехи дерева *Terminalia bellerica Roxb.*; захват определенного числа орехов приводил к выигрышу. Таким образом, кажущееся очевидным толкование *akṣá*- как *«имеющий глаза» опровергается р е а л и я м и; вероятно, название ореха *akṣá* — ботанический термин, заимствованный из какого-либо автохтонного языка Индии¹⁵.

¹⁴ Можно еще было бы объяснить оскскую форму диссимилиацией **kala*- > **kalo*-. Я весьма признателен за ряд ценных замечаний по поводу приведенных выше выкладок коллеге и одному из первых своих учеников М. Петеру (Вена).

¹⁵ Детальное обсуждение и библиографию см. теперь в [2, с. 42].

Внимательное изучение текстов может неожиданно прояснить считавшуюся прежде неясной этимологию. Начиная с Махабхараты засвидетельствовано слово *akṣauhiṇī* «войско», считавшееся загадочным до тех пор, пока Я. Шарпантье ¹⁶ не обнаружил в одном палийском тексте выражение *senā . . . akkhobhaṇī* «непоколебимое (*a-kkhobhaṇa-*) войско (*senā-*)». Тем самым ситуация неожиданно прояснилась: в одном из среднеиндоарийских языков существовало слово «войско» (*senā-*), сопровождавшееся эпитетом «непоколебимый» (**a-kṣobhaṇī-*), который в форме **ak-khobhiṇī-* вошел в употребление, превратившись из эпитета в самостоятельное существительное (подобно итал. *strada* < лат. [*via*] *strāta*, нем. *Elektrische* < *elektrische Straßenbahn* «электрический трамвай» и т. д.). Исследуемое слово — результат преобразования (отчасти ошибочного) санскритского прототипа: *-kkh-* правильно заменили на *-kṣ-*, а *-o-* в результате гиперкоррекции ошибочно исправили на *-au-*, не учитывая при этом, что палийскому *-h-* в санскрите соответствует *-bh-*.

Иногда правдоподобную этимологию помогает отыскать общелингвистический опыт. Позволю себе привести одно собственное объяснение. Засвидетельствованное начиная с Махабхараты слово *nitamba-* «зад, ягодицы (у женщины)» не имеет достоверной этимологии: обычно его анализировали как **ni-tamba-*, апеллируя к сомнительным и.-е. соответствиям, чтобы объяснить **-tamba-* [1, т. II, с. 162]. Однако если вспомнить, что слова этого семантического поля часто претерпевают геминацию ¹⁷ и что для передачи понятия «зад» часто служат описательные выражения, как лат. *posteriora*, нем. *der Hintere*, то правдоподобным выглядит объяснение посредством **ni-tama-* «(самое) нижнее» (=авест. *nitama-* «положенный глубже всего, в самом низу») с геминированным вариантом **nitamma-*, преобразованным в *nitamba-* (*-mb-* возникло в результате контактной диссимилиации из *mm-* и представляет собой своеобразную санскритизацию).

Разумеется, этимологический словарь, по выражению Г. Шухардта [25], должен ставить целью выяснение вопроса не только о том, «откуда пришли слова, но и куда они идут». Современный древнеиндоарийский словарь дает возможность легко ответить на этот вопрос: с 1966 г. мы располагаем полным сравнительным словарем индоарийских языков Р. Тёрнера [26]. В большинстве случаев достаточно просто сослаться на эту великолепную книгу, чтобы доказать, что слово исчезло уже в раннем ведийском или, наоборот, сохранилось во многих средне- и новоиндоарийских языках. Особенно важны данные словаря Р. Тёрнера для раздела «Поздний язык» моего этимологического словаря, где встречаются слова, зафиксированные только санскритскими лексикографами. Последних можно заподозрить в том, что они изобрели такие слова из псевдонаучных соображений ¹⁸. Но если такое слово сохраняется во многих новоиндоарийских языках, на которых говорят миллионы человек, то вполне вероятно, что лексикограф не изобрел его, а услышал в современном ему разговорном языке.

Для другого рода этимологических исследований также следует привлекать данные средне- и новоиндоарийских языков: бывает, что они на-

¹⁶ См. по этому поводу (и о ранних гипотезах) в [1, т. I, с. 16 и сл.].

¹⁷ Примеры и библиографию см. в [24].

¹⁸ Известный пример — слово *put* «ад», которое изобрели, чтобы объяснить псевдонаучным образом *putrá-* «сын» через *put-tra-* «спасенный из ада». Из лексикографических трактатов это слово заимствовали даже некоторые поздние поэты, и один индоевропеист счел эту этимологию правильной! (ссылки см. в [1, т. II, с. 303]).

следуют лексику, не сохранившуюся в тех диалектах, которые зафиксированы в древнеиндоарийских текстах. Так, безукоризненное соответствие греческому *týrós* «сыр» существует, вероятно, лишь в одном из поздних среднеиндийских языков, апабхрамша, в виде *tūra-* [27]. Тем не менее ввиду уникальности соответствия эту этимологию следует еще проверить. В целом же я сохраняю скептическое отношение к такого рода гипотезам, высказанное в одной из моих статей [28], и не разделяю оптимизма недавней работы К. Р. Нормана [29], который отыскивает в древнеиндоарийском многие и.-е. архаизмы, на первый взгляд отсутствующие в древнеиндоарийском. В некоторых случаях его можно опровергнуть методами ономастологии, задавшись вопросом о мотивах номинации. Так, он полагает, что палийское *pāṇikā* «ложка» не связано с скр. *pāṇi-* «рука», а восходит непосредственно к той же и.-е. праформе, что и англ. *spoon*. Если же детально рассмотреть эту проблему, то становится ясно, что не так-то просто корректно сопоставить *spoon* и *pāṇikā*; с другой стороны, на примере скр. *dāru-hastaka-* «деревянная ложка» видно, что способ семантической мотивации для названия ложки — «ручка» (*-hasta-ka-*); таким образом, *pāṇikā* «ложка» должно соотноситься с распространенным индоарийским словом *pāṇi-* «рука».

И последнее замечание. Мой первый словарь [1] отличался от своих предшественников — словарей Уленбека [3] и братьев Лойман [4] — признанием существования в санскрите многочисленных заимствований из дравидийских языков и языков мунда. Ведь незадолго до начала работы над [1] появилось несколько работ Т. Барроу о дравидийских заимствованиях в санскрите ¹⁹ и вышла книга Ф. Б. Я. Койпера о словах протомунда в древнеиндоарийском [31]. Разумеется, мой новый словарь [2] также содержит ссылки на эту литературу, однако читатель не сможет не заметить моего явного скепсиса в отношении интерпретации индоарийских слов из дравидийских источников или языковых памятников на языках мунда, особенно слов раннего санскрита. Я не отвергаю принципиальную возможность заимствования чужих слов — хотя следует заметить, что обычно язык сохраняет лексику предшествующей стадии своего развития, подвергнушуюся изменениям в соответствии с фонетическими законами, а если происходит заимствование слов из другого языка, то это — исключение из правила, требующее специального обоснования. Действительная трудность заключается в том, что пока не существует реальной возможности реконструировать дравидийские и, особенно, мунда праформы точно в том виде, в каком они существовали во II тысячелетии до н. э., когда они могли быть заимствованы в язык Ригведы. Особенно это очевидно в случае с «протомунда»: языки мунда были описаны лишь в прошлом и нынешнем столетиях — таким образом, исследователю приходится преодолевать пропасть более чем в три тысячи лет! Хотя такой замечательный лингвист, как Ф. Б. Я. Койпер, и предпринял подобную попытку, опираясь на свою великолепную научную подготовку, его реконструкция форм протомунда [31, прежде всего с. 6 и сл.] скорее заставляет восхищаться остроумием и терпением ученого, нежели рассматривать описанное им происхождение древних ведийских слов из протомунда как нечто большее, чем просто гипотеза (не беспорная и не доказанная).

¹⁹ Итоговый перечень санскритских слов, для которых наиболее вероятно дравидийское происхождение, приводится в главе «Заимствованные слова в санскрите» [30, особенно с. 381 и сл.]. (См. также русский перевод этой книги, выполненный со второго, более раннего (1959 г.) издания [30, с. 354—361]. — *Примеч. перев.*)

В отличие от своей первой, написанной в юности книги [1], в новом словаре [2] я, хотя и ссылаюсь на гипотезы Койпера с должным уважением, не считаю их окончательным решением проблемы.

Проблематично — хотя и в другом отношении — апеллирование к дравидийским языкам как источнику пополнения лексики санскрита, в особенности на ранней стадии его развития. Правда, ситуация с дравидийским более благоприятна, чем с языками мунда: существует несколько хорошо засвидетельствованных литературных языков, из которых важнейший, тамильский, зафиксирован, вероятно, уже с начала нашей эры. Фонетические законы изучены лучше, лексика собрана в образцовом этимологическом словаре [32]. Проблема тут в том, что дравидийские языки слишком близки друг к другу, в связи с чем прадравидийская фонологическая система почти идентична фонологической системе древнейшего из дравидийских языков, тамильского; реконструкция часто оказывается лишь немногим древнее его первых письменных фиксаций. Вероятно, это аналогично ситуации в славистике, где реконструкция праславянского **čьrnъ* «черный» лишь слегка отличается от древнейшей засвидетельствованной формы, ст.-сл. *čьrnъ* — только сопоставления с неславянскими и.-е. языками делают реконструкцию менее тривиальной (др.-прусс. *kirsna-*, вед. *kr̥ṣṇá-*, и.-е. **kr̥snó-*). Но в то время как родство славянских языков с другими и.-е. языками уже с начала XIX в. не вызывает сомнений, попытки объединить дравидийские языки с какой-либо другой семьей в рамках более древней языковой общности пока не увенчались успехом. Что же касается дравидийских заимствований, это означает — в особенности когда речь заходит о раннем санскрите (ок. 1000 г. до н. э.), — что мы не знаем наверняка, могла ли соответствующая данному индоарийскому слову общедравидийская форма иметь тот или иной определенный облик: метод реконструкции не позволяет нам проникнуть так глубоко.

Тем не менее существование дравидийских слов, особенно в позднем санскрите, не подлежит сомнению. Возможно, наиболее убедительна простая аргументация, которой пользуется Менакшисундаран [33]: такие слова, как тамиль. *nīr* и скр. *nīra-* «вода», тамиль. *mīn* и скр. *mīna-* «рыба», встречаются почти во всех дравидийских языках; дравидийские языки не имеют других общих слов для обозначения воды и рыбы, они не могут обходиться без этих слов — в то время как санскрит имеет и другие слова со значением «вода» и «рыба» и потому в нем могли отсутствовать *nīra-* и *mīna-*. Таким образом, либо сходство дравидийских **nīr*, **mīn* с скр. *nīra-*, *mīna-* — случайность, либо эти слова связаны, причем исходными формами являются дравидийские. *Tertium non datur* ²⁰.

*

Сравнение старого этимологического словаря (предисловие к нему я написал в 1951 г.) с новым (который я сдал в печать в 1985 г.), вероятно, свидетельствует в пользу последнего. Тем не менее и сегодня не соблюдены все условия для создания идеального этимологического словаря древнеиндоарийского языка; многие из них, видимо, вообще невозможно выполнить — например, в случае с дравидийскими и мунда заимствования-

²⁰ Об отдельных проблемах, связанных с этими заимствованиями, см. [1, т. II, с. 172 и сл. (*nīra-*, Махабхарата и т. д.), с. 643 и сл. (*mīna-*, начиная с «Законов Ману»)]; см. также [32, с. 328 (тамиль. *nīr* и т. д.), с. 436 (тамиль. *mīn* и т. д.)].

ми; не вполне завершены филологические исследования, прежде всего работа по созданию отвечающего нынешнему уровню науки словаря ранних ведийских текстов. Не существует полного словаря иранских языков. Более всего впечатляет работа, проделанная между 1951 и 1985 гг. в области и.-е. фонологии и морфологии; нельзя не отметить признание ларингальной теории всеми серьезными индоевропеистами (в 1951 г. многие еще отвергали ее²¹); без учета достижений этой теории не могут быть адекватно составлены многие словарные статьи этимологического словаря древнего и.-е. языка. В этой области также желательно появление обобщающей работы, которая бы подвела итог данной стадии исследований, — но не более того; ибо, как гласит санскритское изречение:

Anantapāram kila śabdaśāstram («Не имеет предела наука о языке»).

Перевел с немецкого Куликов Л. И.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Mayrhofer M.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd 1—IV. Heidelberg, 1956—1980.
2. *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd I. Lf. 1—3. Heidelberg, 1986—1988.
3. *Uhlenbeck C. C.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. Amsterdam, 1898—1899.
4. *Leumann E. und J.* Etymologisches Wörterbuch der Sanskrit-Sprache. Lf. I: Einleitung und a bis jū. Leipzig, 1907.
5. *Wüst W.* Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch des Alt-Indoarischen (Alt-indischen). Lf. 1—3. Heidelberg, 1935.
6. *Hoffmann K.* Aufsätze zur Indoiranistik / Hrsg. von Narten J. Bd 1—2. Wiesbaden, 1975—1976. S. 153.
7. *Wackernagel J.* Altindische Grammatik. Bd 1, 2(1), 2(2), 3. Nachträge zu 1 und 2(1). Göttingen, 1896—1957.
8. *Wackernagel J.* Kleine Schriften. Bd 1—3. Göttingen, 1955—1979. S. 343 (Anm. 1).
9. *Renou L.* Les éléments védiques dans le vocabulaire du sanskrit classique // JA. 1939. Bd 231. S. 337 ff.
10. *Bartholomae C.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904. [= фотомеханическая перепечатка — Berlin; New York, 1979].
11. *Bailey H. W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979. P. 423.
12. *Klingenschmitt G.* Altindisch *śāsvat* // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1975. Bd 33. S. 77 (Anm. 3).
13. *Mayrhofer M.* Onomastica Persepolitana. Das altiranische Namengut der Persepolis-Täfelchen. Wien, 1973. S. 198.
14. *Mayrhofer M.* Die altiranischen Namen // Iranisches Personennamenbuch. Bd I. Wien, 1979.
15. *Lindeman F. O.* Introduction to the «Laryngeal theory». Oslo, 1987.
16. *Шумм Р.* Прагматика и систематика в ларингальной теории // ВЯ. 1988. № 1.
17. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Bern; München, 1959. S. 554.
18. *Mayrhofer M.* Die Vertretung der indogermanischen Laryngale im Lateinischen // KZ. 1987. Bd 100. S. 101 (Anm. 64).
19. *Solmsen F.* Studien zur lateinischen Lautgeschichte. Strassburg, 1894. S. 136.
20. *Devoto G.* Storia della lingua di Roma. 2. ed. V. I. Bologna, 1983. P. LXV.
21. *Schulze W.* Kleine Schriften. Göttingen, 1934. S. 724.

²¹ Ср. в связи с этим выше примеч. 10, 11, а также мой обзор в [34, с. 121—150]. В моей книге [34, с. 92—97] подробно анализируется также новый вариант реконструкции и.-е. консонантизма, основанный на типологических соображениях (с учетом глоттализированных смычных); его создание связано с именами Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванова, П. Дж. Хоппера и других лингвистов. По мере выхода новых выпусков словаря [2] будут учитываться основные аргументы этих исследователей — например, в словарной статье *bāla*- «сила» (ср. [34, с. 99]).

22. *Böhtlingk O., Roth R.* Sanskrit-Wörterbuch. Tl I—VII. St.-Petersburg, 1855—1875.
23. *Grohmann V.* Medicinisches aus dem Atharva-Veda, mit besonderem Bezug auf den Takman // Indische Studien. Beiträge für die Kunde des indischen Alterthums. 1865. Bd 9. S. 381 ff.
24. *Pfister R.* Methodologisches zu *fluere—fließen* u. ä. // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1969. Bd 25. S. 81 ff.
25. *Hugo-Schuchardt-Brevier.* Ein Vademekum der allgemeinen Sprachwissenschaft / Hrsg. von Spitzer L. Halle, 1922. S. 113.
26. *Turner R. L.* A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. L., 1966.
27. *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd II. Heidelberg, 1970. S. 948.
28. *Mayrhofer M.* Das Problem indogermanischer Altertümlichkeiten im Mittelindischen // Studia Indologica. Festschrift für W. Kirfel. Bonn, 1955.
29. *Norman K. R.* The dialectal variety of Middle Indo-Aryan // Proc. of the Fourth world Sanskrit conference, Weimar, May 23—30, 1979. Berlin, 1986.
30. *Burrow T.* The Sanskrit language. L., 1973. (= *Бурроу Т. Санскрит. М., 1976*).
31. *Kuiper F. B. J.* Proto-Munda words in Sanskrit. Amsterdam, 1948.
32. *Burrow T., Emeneau M. B.* A Dravidian etymological dictionary. 2-nd ed. Oxford, 1984.
33. *Meenakshisundaran T. P.* A history of Tamil language. Poona, 1965. P. 159—160.
34. *Mayrhofer M.* Lautlehre: Segmentale Phonologie des Indogermanischen // Indogermanische Grammatik / Hrsg. von Mayrhofer M. Bd 1—2. Heidelberg, 1986.